

ЛЕОНТИЙ РАКОВСКИЙ

АДМИРАЛ УШАКОВ

Всемирная история в романах

Леонтий Раковский

Адмирал Ушаков

«ВЕЧЕ»

1953

Раковский Л. И.

Адмирал Ушаков / Л. И. Раковский — «ВЕЧЕ»,
1953 — (Всемирная история в романах)

Исторический роман известного советского писателя Леонтия Иосифовича Раковского (1896–1979) о выдающемся русском военачальнике, адмирале императорского флота Федоре Ушакове. Об адмирале, не проигравшем ни одного своего сражения и хорошо понимавшем, что все победы одерживаются руками матроса – крестьянина, одетого в морскую робу. Поэтому роман не только об адмирале Ушакове, но и о тех, кого он водил в морские сражения, – это книга о русском характере. О людях мужественных, сметливых и сердечных, беззаветно любящих Родину и готовых ради неё на любой подвиг!

© Раковский Л. И., 1953

© ВЕЧЕ, 1953

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	9
III	11
IV	14
V	16
VI	20
VII	23
VIII	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Леонтий Раковский

Адмирал Ушаков

Часть первая

I

Федя Ушаков торопился домой – надо было готовиться к выпускным экзаменам. Он шел вдоль Невы. Река только неделю тому назад вскрылась, но на ней уже было оживленно: вверх и вниз сновали челноки и шлюпки, бегали, пеня воду, узконосые рябики.

Против коллежских апартаментов бабы весело колотили вальками. Босоногие ребятишки полоскались в холодной воде.

Вечер был теплый.

Голубоватое небо с каждым часом становилось все светлее и светлее. Там, у горизонта, оно казалось уже совершенно прозрачным, изумрудно-желтым. Чувствовалось, что едва закатится солнце, как тотчас же на город прольются светлые сумерки белой северной ночи.

Ушаков миновал сухопутный кадетский корпус. Окна в меншиковском доме были раскрыты настежь. В них мелькали голубые, кофейные, серые кафтаны, доносились голоса: сухопутные тоже готовились к экзаменам.

За корпусом по берегу тянулись поленницы дров, раскинулся склад разных материалов: лежали груды камня, брёвна, доски, дранка. К берегу пришвартовалась высокая баржа, груженная древесным углем.

Подходя к морскому корпусу, Ушаков издалека увидел на своей пристани (которая была сделана в виде гавани, скобою) и возле нее знакомые зеленые сюртуки. Весною, в ясную погоду, набережная и пристань были излюбленным местом кадетских сборищ.

Из тесных, сырых, опостылевших за зиму классов и каморок высыпало на бережок все свободное от нарядов народонаселение корпуса. Сюда собирались поговорить, посмеяться, узнать последние корпусные новости. Здесь, не таясь, курили, играли в зернь¹, устраивали борьбу. Иные даже приходили сюда с учебниками, надеясь позаниматься на свежем воздухе, но это редко удавалось: обстановка мало располагала к наукам.

Высоко поднятая бревенчатая пристань называлась в корпусе «опердеком»². На этом опердеке, по неписаным гардемаринским законам, разрешалось сидеть только гардемаринам. Кадеты всех классов безжалостно изгонялись вниз, на прибрежный песок и камни, на «гондек»³. Исключение делалось лишь для тех, кого приводил с собою на пристань гардемарин.

Проходя мимо, Ушаков решил завернуть на минуту сюда, посмотреть, чем занимаются его товарищи.

Возле пристани, на берегу, на гондеке толпились кадеты. Стоял дым коромыслом: тут курили, о чем-то горячо спорили, играли в свайку. Чуть в стороне несколько завязтых рыболовов, примостившись на камнях, удили рыбу. Группа кадет младшего, 3-го класса обступила вихрастого гардемарина Алешку Тверитинова, любившего возиться с малышами. Алешка заказывал, а третьеклассники вязали морские узлы. Они наперебой друг перед дружкой старались поскорее завязать узел и заслужить одобрение гардемарина. А тот важно курил, сплевывая по-

¹ Игра в зернь – игра в кости (или зерна).

² Опердек – открытая верхняя палуба.

³ Гондек – нижняя палуба.

боцмански, снисходительно осматривал их работу и с улыбочкой щелкал по затылкам отстающих, неопытных такелажников.

Весь опердек, всю бревенчатую пристань, безраздельно занимали господа гардемарины. Кто, свесив ноги вниз с пристани, сидел и курил, кто, подстлав сюртук и оставшись в одном калямажном камзоле, лежал, глядя на Неву. Строили планы на будущее, рассказывали разные истории. В дальнем углу пристани группа гардемарин сообща повторяла фортификацию, которую учили не по учебнику, а по запискам. Один читал вслух по толстой тетради, а остальные слушали.

В центре расположилась самая шумная компания. Среди других товарищей Федя Ушаков увидел и своего сожителя по комнате, черноглазого, курчавого Гаврюшу Голенкина.

Голенкин всегда учился прилежно, но в прошлую осень вдруг втюрился в какую-то девчонку и теперь знал одно: чистить сюртук да, как трунил над ним степенный Федя Ушаков, тировать⁴ свои волосы.

Всех на пристани, видимо, потешал пучеглазый Нерон Веленбаков.

Нерон был не лишенный способностей, смысленный парень, но его губило пристрастие к полпиву. Он предпочитал посидеть в кабачке с корпусным боцманом Лукичом, обучавшим кадет такелажному делу, чем корпеть над какой-либо сферикой.

На этот раз, к удивлению Ушакова, в руках у Нерона Веленбакова была книга. Наморщив лоб, Нерон перелистывал ее. Перед ним, в позе ученика, вызванного учителем к ответу, стоял гардемарин Антоша Селёвин.

Это был маленький угреватый паренек. За его невзрачность товарищи называли Селёвина «Се-не-лёвин», потому что в его внешности действительно было мало львиного.

– Вот те на – Нерон взялся за учебу! – сказал Ушаков, подходя к товарищам.

– Он экзаменует Селёвина, – объяснил быстрый Голенкин.

– Что у тебя – Курганов? – наклонился к Веленбакову Ушаков.

– Нет, Ла-Кроц.

– «Универсальная история», – ответило за Нерона несколько голосов.

– А какой же вопрос он задает?

– Разве не знаешь Нерона? – улыбнулся Селёвин. – Он выискивает, где про беспутства говорится...

Веленбаков сосредоточенно листал книгу.

– А ну-ка триста восьмой вопрос, – вскинул он глазами на Селёвина и прочел: – «Каких качеств была Иулия, дочь Августа?»

Все засмеялись.

– Вот видишь, что интересно Нерону, – сказал Антоша и без запинки ответил: – «Она была такого развращенного нрава, что отец ее, Август, принужден был сослать ее на остров Пандатария».

Веленбаков, проверявший ответ по книге, восхищенно сказал:

– Верно! Слово в слово! А ну еще один!

Он провел пальцем по строчкам:

– Какой смертью умер Клавдий?

– Ну, это знают все, – вмешался Голенкин. – Жена отравила его грибами!

– Гляди, Нерон, как пойдешь с Лукичом на Десятую линию в кабак, не закусывай мочеными груздочками! – смеялись товарищи.

– Нерон, а ты помнишь, что о твоём тезке у Ла-Кроца сказано? – спросил Селевин.

– Нет. А что?

– Нерон был самый негодный из римских цезарей.

⁴ Тировать – покрывать смолой, смолить.

– И зачем тебе отец такое имя нарек? – потешались гардемарины.

– Так то ж цезарь, а я ведь всего лишь капрал, – отшучивался Веленбаков. – Федя, а ты знаешь, – обернулся он к Ушакову, – как твой Гаврюша сегодня ловко письмо своей милой переслал? Сказывал он тебе?

– Нет, ничего...

– Неужто не говорил? – с деланным удивлением переспросил Веленбаков. – Ему за гардемаринство дают в месяц полтину, как сказано: «для лучшего в трудной морской службе куража и дабы в обучении ревностнее простирались», а Гаврюша потратил ее на шелковую ленту. Обмотал лентой письмо и передал милой: мол, сделайте мне бант на шляпу! Вот каков!

Все гардемарины и сам черноглазый Голенкин смеялись.

– Молодец, хитер! Своего добьется! – чуть улыбнулся Ушаков.

– Федюше так не придется делать, – постарался перевести разговор зардевшийся Голенкин.

– Верно, он у нас красивый, черт! – поддержал Веленбаков, глядя снизу вверх на Ушакова.

– А когда еще мичманский мундир наденет, тогда всем девкам пропасть! – шутили гардемарины, зная, что Федя Ушаков скромен и застенчив.

– Да ну вас! – сконфузился Ушаков и круто повернулся.

– Постой, схимник, куда же ты? Посиди с нами! – задержал его Гагарин.

– Некогда: надо идти повторять навигацию.

– Зачем тебе повторять? Ты же смеешься над линейной тактикой!

– Смеюсь и буду смеяться, а знать надо! – освободился от Гагарина Ушаков.

– Федя, уже поздно: вечер на дворе! – кричали ему.

– Ушакова не переделаешь: как сказал, так и будет! – услышал он последние слова Голенкина.

Ушаков направлялся к корпусу.

Он прошел мимо главного здания. Из окон второго этажа, где помещались классы, выглядывали гардемарины, готовившиеся к экзаменам. Вон на подоконнике сидит с тетрадью и карандашом в руке первый ученик, Федюша Калугин. У другого окна, заткнув пальцами уши, склонился над книгой рыжеволосый Федя Путятин. Так смешно получилось – в первой четверке выпускников три Федора: Калугин, Путятин, Ушаков.

Возле входной двери корпуса на притине⁵ скучает часовой, солдат морского полка.

Триста шестьдесят воспитанников морского кадетского корпуса помещались в каменном двухэтажном доме Миниха и в семи деревянных «связях» – флигелях, пристроенных во дворе. В них жили по преимуществу гардемарины.

В «связях» жить было вольготнее, чем в Миниховом доме, – меньше надзора. После молитвы и вечерней поверки можно незаметно улизнуть куда-нибудь погулять: забор, выходящий на Двенадцатую линию, обветшал и был весь в щелях. А ротный капитан-лейтенант лишь изредка проверял, все ли гардемарины дома.

Положим, Федя Ушаков ложился спать вовремя, ночью никуда не хаживал, но и ему маленький деревянный домик был больше по душе.

Три шаткие ступеньки крылечка, глиняный рукомоийник, болтающийся на веревке, темные, крохотные сенцы, пахнущие кислятиной, да и сама каморка в одно окошко, с бревенчатыми, выскобленными стенами – все это живо напоминало Ушакову родную тамбовскую Алексеевку.

Отец Ушакова был небогат: за ним числилось всего девятнадцать душ, из которых пять – немощные старики.

⁵ Притин – место, где ставится часовой.

В далекий Петербург пять лет назад Федя Ушаков приехал в липовых лаптях. Кадеты смеялись над этим невысоким, коренастым, синеглазым пареньком, который глядел на всех исподлобья, сдвинув густые брови.

Но когда желтозубый князь Гагарин попробовал было тронуть Федю Ушакова, этот тамбовский паренек так стукнул его по загривку, что у Гагарина навсегда отпала охота задевать «лапотника».

...Ушаков прошел через «сахарные» ворота во двор. («Сахарными» они назывались потому, что в соседнем доме был сахарный завод.)

Закатное солнце заливало весь корпусной двор – флигельки, хлебную и поварню, возле которой солдат рубил дрова.

На крылечке дома № 3, где жил Ушаков, сидел с книгой в руке его второй сожитель – румянощекий, плотный Паша Пустошкин. Паша хорошо успевал в науках, но зимою три месяца проболел, отстал и теперь целые дни занимался.

Ушаков не стал ему мешать разговорами (Федя вообще был не из болтливых), а сразу прошел в свою комнату.

Комната была тесная – в ней едва помещались три кровати, стол, скамья и табуреты. На стене висела полочка с книгами, а над ней, на желтых бревнах, была приклеена гравюра – идущий под марсеями в полветра корабль, перед которым лежит Слава с трубою в руке. Она трубит:

Дети, сему учитесь,
Волн морских не страшитесь!

Ушаков аккуратно повесил шляпу на гвоздь, поднял окно и взял с полки «Навигацию» Семена Мордвинова. Он присел к окошку и раскрыл книгу на том месте, где давеча остановился:

«Навигаторам нужно знать напервее мореплавания до выхода из порту о исправлении склонения компаса, чтоб знать, сколько в которую сторону компас склонение имеет для знания прямого пути».

II

...Солнце давно зашло. Ушаков продолжал сидеть у окна – еще можно было читать не зажигая огня.

Где-то на улице слышался шум, крики. Федя заткнул уши пальцами и продолжал читать.

Вдруг в сенях раздались шаги, дверь распахнулась, и Паша Пустошкин крикнул:

– Федя, на Проспективной пожар!

И убежал.

Ушаков невольно глянул в окно: зарева не было видно. Но он тоже сорвался с места и, не надевая шляпы, помчался вслед за Пашей.

Пожар был у Большой Проспективной улицы.

Прыгая через канавы, еще полные весенней воды и грязи, Ушаков увидел: горит деревянный одноэтажный дом.

Пламя вместе с дымом вырывалось сквозь угловое, вероятно кухонное, окно. Было странно видеть, что при этом из трубы дома спокойной струйкой тянется обычный дымок.

Возле дома толпился народ.

Несколько мужиков и какой-то матрос суежились, что-то кричали, но ничего не предпринимали. Ни у кого из них не было ни ведра, ни багра, хотя на пожар полагалось являться всем с ведрами, топорами, баграми и лестницами.

Подальше от пожара держались бабы. Они обступили какую-то высокую женщину в шубе и пуховом платке, которая стояла возле узлов, подушек, укладок, сваленных прямо в топкую грязь пустыря. Возле нее, всплескивая руками, голосила старая баба, по всей видимости стряпуча.

Бабы соболезнавали, говорили все разом, не слушая друг друга, а высокая женщина, словно окаменевшая, смотрела, как огонь делает свою разрушительную работу.

– И чего это никто не едет и заливных труб не везет? Ни коллежские, ни солдаты? – обернулась к Феде Ушакову какая-то молодая бабенка, когда он подбежал к толпе.

Ушаков промолчал. Он и сам не знал, почему так замешкались и полиция и служители двенадцати коллегий, возле которых в сарае хранились пожарные трубы.

Его внимание сразу привлекло другое: детский плач в толпе.

Федя подошел поближе и увидел, что на узлах сидела курносая девочка. Она плакала, запрокидывая назад голову.

– Испугалась, поди? – сказал, не обращая ни к кому, Паша Пустошкин, стоявший рядом с Федей.

– Нет, плачет, что сгорит ее снегирь. Он в доме, в клетке оставши... – словоохотливо объяснил из толпы чей-то женский голос.

– А где висит клетка? – спросил Федя Ушаков, протискиваясь к девочке.

– В светелке... Над окном! – сквозь слезы выдавила она.

Ушаков повернулся и побежал к горевшему дому.

– Федя, куда же ты? – испуганно крикнул ему вдогонку Паша Пустошкин.

Ушаков подбежал к дому. Дым уже показался из дверей.

Прикрывая голову бортом сюртука, Федя смело вскочил в дымные сени.

За ним раздался испуганный бабий вопль:

– Куда он? Рехнулся парень!

В сенях Ушакова охватило таким горячим воздухом, будто он попал на полок жарко натопленной бани. Слева, на кухне, гудело, билось пламя – дверь на кухню была заперта. Зато справа дверь в комнаты стояла распахнутой настежь.

Горечь сдавила горло. Слезы посыпались из глаз. Но Ушакова это не остановило, – сколько раз он бывал в курных избах, сколько раз мылся в прогорклых от едкого дыма деревенских банях!

Он вскочил в комнату и, протирая глаза, пригляделся в дыму. Над одним из окон висела маленькая клетка. В ней, перепархивая с жердочки на жердочку, тревожно кричал снегирь.

Федя вспрыгнул на лавку, сорвал с гвоздя клетку и опрометью кинулся вон.

В сенях его снова обдало нестерпимым жаром: кухонная дверь уже начинала тлеть. Густой столб черного дыма непроницаемой стеной закрывал выходную дверь.

Пригнув голову, Ушаков бросился наугад туда, где должен был быть выход, откуда слышались тревожные голоса. И очутился на воздухе.

Толпа, в волнении ждавшая его, облегченно вздохнула:

– Жив!

– Бабоньки, несет!

– Клетку вынес!

– Ну и отчаянный же!

Какой-то дед, только что прибежавший на пожар, услужливо плеснул на плечи Ушакова ведро воды.

Встряхиваясь, Федя побежал к толпе.

Навстречу ему спешила высокая женщина. Ее красивое лицо выражало испуг.

– Не обжегся? И зачем было лезть в огонь? Всё ее прихоти, баловницы! А как достал, теперь небось и не взглянет на своего снегиря! – говорила она Феде, словно давно знала его.

Девочка по-прежнему сидела на узлах, но уже не плакала.

– Ой, как тебя облили! – звонко рассмеялась она, принимая из рук Феде клетку со снегирем.

– Храбер солдат!

– Какой солдат? Гардемарин!

– И чего лез, непутевый? – обсуждали в толпе происшествие.

Ушаков покраснел от смущения и, не глядя ни на кого, побежал через пустыри домой.

Навстречу ему, дребезжа, мчалась телега. В ней, свесив ноги, сидели полицейский и несколько коллежских служителей. Из-за их спин торчала заливная труба. А за телегой спешил к пожару плутонг⁶ солдат Великолуцкого пехотного полка, который по расписанию должен был тушить пожары на Васильевском острове.

⁶ Плутонг – отделение.

III

Когда Гаврюша Голенкин вернулся домой, было уже за полночь. Федя Ушаков и Паша Пустошкин сидели и занимались при свече.

Вместе с Голенкиным заглянул к соседям и Нерон Веленбаков, живший в этом же домике, в комнате напротив.

Гаврюша, не мешкая, стал укладываться спать. А Веленбаков плюхнулся на скамейку и, вынув из кармана флягу, поставил ее со стуком на стол.

Дети, сему учитесь,
Водки пить не страшитесь! —

пробасил он.

Нерон был немного навеселе.

Ушаков только вскинул на него свои строгие глаза и снова углубился в чтение.

— Ну-ну, не коситесь, ваше преподобие! Я знаю: вы не жалуете пресной водицы. Уберу, уберу, — сказал Веленбаков, пряча флягу в карман. — Вот поговорю с Пашенькой минутку и уйду спать!

Словоохотливый Пустошкин захлопнул свою книгу и, улыбнувшись, спросил:

— Откуда это вы, полуношники? И где вас только носит?!

— Вы тут просвещаетесь, а мы — пребываем в гулянии... Я с вечера пришвартовался в кабачке у двенадцати коллегий, а он, — кивнул Веленбаков на Голенкина, — сказывал, на Неве с девушками скучал. Корабельную архитектуру с ними изучал... Мы с Гаврюшей на разных курсах шли к одному randevу у «сахарных» ворот: гуляли порознь, а через забор лезли вместе. Только он — проворней меня, а я, кажись, карман оторвал! Ишь как они расселись, — посмотрел Нерон на Ушакова и Пустошкина, сидевших на противоположных концах стола. — Федя у нас — капрал, он, конечно, на «юте»⁷ сидит, а Павлуша — гардемарин, он ближе к порогу, «на баке»... Это что, у вас всегда такой порядок? — усмехнулся Веленбаков.

— Тебе, Нерон, на юте никогда не бывать. Тебе и по фамилии велено на баке: Веленбаков, — не удержался от каламбура Голенкин.

— А мне — где угодно сидеть, лишь бы с чарочкой! — согласился Нерон.

— Пожар-то сегодня у нас, на острове, видали? — спросил Пустошкин.

— А что горело? — приподнял с подушки свою курчавую голову Гаврюша.

— Горел дом у Большой Проспективной. Да не в нем дело... Наш Федя, — кивнул на Ушакова Пустошкин, — отличился: из горящего дома клетку со снегирем вынес!

— Ай да молодец! Этаким случаем за две кампании считать надобно! — восхищенно сказал Веленбаков.

— И зачем было лезть? Сгореть мог бы. До производства в мичманы не дожил бы. Зря лез в огонь! — по-своему оценил Голенкин. — Ведь опасно же!

— Ничего там опасного не было, — недовольно буркнул молчавший до этого Ушаков. Он встал, аккуратно положил книгу на полку и начал раздеваться.

— Я ему тоже весь вечер говорю: лезть в огонь было не из-за чего, — продолжал Пустошкин. — Кабы в огне человек остался, я бы и сам ни минуты не раздумывал...

— Верно! Класть жизнь, так хоть знать за что! — стукнул кулаком по столу Веленбаков.

— Ну хоть бы из-за хорошенькой, — поддержал Голенкин.

⁷ Ют — кормовая часть верхней палубы.

– Просила-то спасти снегиря девочка, и очень миленькая, курносенькая такая! – поддел Пустошкин.

Ушаков побагровел, недовольно сверкнул глазами.

– И что ты мелешь? Ведь она ребенок еще! – с укоризной сказал он. – По снегирю слезами заливалась. Просила!..

– Верно, девчонка годов двенадцати, не более, – поспешил уточнить Пустошкин, зная скромного и застенчивого Федю.

– Ну, этакая в счет нейдет! – согласился Голенкин. – А ты не обгорел, Федюша? – участливо спросил он.

– Нет. Только какой-то дуралей меня всего водой облил, как я выскочил из дома, – улыбнулся Ушаков.

– А признайся, Федя: все-таки страшновато было? – спросил Веленбаков...

– Ничего страшного. Это не на медведя с рогатиной, – ответил, укладываясь спать, Ушаков.

– А ты почему знаешь, как на медведя?

– Хаживал однажды, оттого и знаю.

– Ты? Когда же это успел?

– А еще как жил дома.

– Сколько же тебе годов-то было? – не переставал удивляться Нерон.

– Шестнадцать.

– Поди, прижал какого захудалого муравьятника?

– Нет, не муравьятника, а самого настоящего стервятника. След такой, что еле лаптем закроешь! Ну, ложись, Павлуша! Довольно лясы точить, – обратился Ушаков к Пустошкину.

– Феденька, расскажи, как ходил на медведя! – попросил Нерон.

– Не буду. Поздно уже. Да и ничего интересного нет! – ответил Ушаков и закрыл глаза.

– Федя, да расскажи! – не отставал Веленбаков.

Ушаков молчал.

– Экий ты, прости господи, упрямец. Чистый каприкорнус, козерог небесный! – махнул рукой раздосадованный несговорчивостью товарища Веленбаков.

Гаврюша Голенкин улыбаясь смотрел на них.

– Не проси, – вмешался Пустошкин. – Разве не знаешь – сказал нет, стало быть, не расскажет.

– А вам он рассказывал?

– Рассказывал.

– Так расскажи хоть ты!

Паша не заставил себя просить. Он не спеша раздевался и рассказывал:

– У них, в Тамбовской, медведей много. Однажды летом повадился миша на гречиху – всю полосу вытоптал. Осенью бабы за груздями ходили, он баб напугал. А потом уже зимой вот как случилось. Пошел их человек в лес за дровами. Выбрал толстую сосну, ударил раз, слышит, что-то под хворостом зашевелилось, запыхтело. У мужика и волосы дыбом: не леший ли?

– Да, да, испугался! – вставил Нерон.

– Послушал, послушал – стукнул снова. Ничего. Стукнул смелее, в третий раз. А тут сам Михайло Иваныч, словно протопоп в шубе, лезет...

– Ого-го! – заржал Нерон. – Вот нарубил дров! И что ж, ноги-то унес мужик?

– Успел. А медведь снова залез в берлогу: накануне снег выпал, замело кругом. Тогда Федя со своим деревенским старостой вдвоем и отправился. И на рогатину его, добра молодца, и поддел.

– Как же это – на рогатину? Куда же ею колоть? В живот, что ли?

– В живот! – не выдержал, расхохотался Ушаков. – Посмотрел бы я, что от тебя осталось бы, кабы ты ударил медведя ратовищем⁸ в живот!

– А куда же бить?

– Известно куда: под левую лопатку! – оживился Ушаков.

– И что же медведь делает?

– Лезет вперед, на охотника. Топают вокруг него, старается достать, а охотник только держит рогатину, чтобы она упиралась в землю. Медведь кровью и изойдет.

– Но ведь он близко ж от тебя?

– Не очень далеко.

– Это ж страшно?

– А я про что и говорил!..

– Да-а! – задумчиво протянул Веленбаков. – На такое не всякий решится...

– Ну, Павлуша, гаси свечу! Уходи, Нерон: спать пора! – прикрикнул Ушаков, поворачиваясь к стене.

Пустошкин дунул на свечу. По комнате разлились белесоватые сумерки петербургской ночи.

– Что и говорить, храбер ты у нас, Федя! Одно слово – ухо режь, кровь не капнет! – поднялся Веленбаков.

– Храбер-храбер, а тараканов боится! – рассмеялся Голенкин. – Однажды как-то заполз к нам таракан, так Федя на стол чуть не влез!

– Э, не так было! – возмутился Ушаков.

– Это ничего! Говорят, Петр Великий тоже тараканов не переносил, а какой храбрец был! И главное – отменный моряк! Ну, спите: уже, наверное, четыре склянки пробило! – сказал, уходя, Веленбаков.

⁸ Ратовище – древко рогатины.

IV

После экзаменов возвращались из Адмиралтейств-коллегии гурьбой. Возбуждение еще не улеглось, говорили все вместе:

– Мне повезло – спросили то, что я хорошо знаю, – об исправлении румбов.

– А у меня – «Может ли корабль держаться в линии баталии, если повреждена фок-мачта?»

– Ясно, не может! Ведь поворотить-то нельзя!

– Я так и ответил.

– А как этот черт кривой, Кривцов, гонял по морской практике! – вспомнил кто-то. – «Что делать, ежели вдали от порта потерялись все мачты?»

– Это разве вопросы? Вот Феде Ушакову задали – тут, брат, задумаешься!

– Федюша, что спросили? – обратились товарищи к Ушакову, который, по обыкновению, шел молча.

– Да ничего особенного, – ответил Ушаков. – «Когда звезда Сириус восходит и заходит в одно время с солнцем на петербургском горизонте и в какой широте восходит вместе со звездой Капеллоу?»

– Вот это вопросец!

– Феде такой и надо: он у нас крепкий! – хлопнул его по плечу Нерон Веленбаков.

Ушаков только улыбнулся.

– Братцы, а как Нерону-то нашему нонче досталось, – рассмеялся Голенкин. – У него, бедного, даже парик на ухо съехал.

– А что?

– Определить широту места.

– Что же в этом трудного?

– Да ведь находить-то ее надо по меридиональной высоте солнца, измерять квадрантом, а он – ни в зуб!

– Как же ты, Нероша, втянулся в гавань?

– Он не сробел. Я, говорит, в шести кампаниях на море служил. Тем только и спасся.

– Веленбаков – молодец: находчив. Расскажи, Нерон, как ты приставал на шлюпке к кораблю «Тверь», – напомнил Пустошкин.

– Да-а, было дело! – самодовольно улыбаясь, почесал затылок Нерон.

– А что? Расскажи, Нерон! – тормошили его со всех сторон.

– Собственно, не о чем рассказывать. Я пошел в первое плавание. Конечно, ничего еще не знал. В Архангельске отправляет меня капитан-лейтенант на шлюпке и говорит: «Подойди, говорит, к „Твери“, вахтенный передаст тебе пакет». А где она, эта «Тверь», черт знает. На рейде судов – пропасть. Я гляжу как баран на новые ворота. Капитан-лейтенант смекнул, что я не найду, и решил растолковать: «Да вот тот корабль, у которого спущенные бом-брам-стенги». А я и этого – ни в зуб...

– Ах ты Нерон!

– И что же дальше?

– Отвалил я и спокойно говорю гребцам: «Давай, ребята, к тому кораблю, что со спущенными бом-брам-стенгами!» Думаю: они-то уж наверняка знают! И не ошибся... В каждом деле главное – не робеть!

– А как сегодня Курганов показывает тебе карты и спрашивает: «Которая дередюксион?» А ты ему тянешь меркаторскую! – засмеялся Голенкин.

– Ну и что ж? Курганов мне: «Это не та!» А я: «Простите, мол, Николай Гаврилович, ошибся: действительно не та». Только и всего!

– И сколько же он тебе поставил? Поди, «необстоятельно»?

– Нет, «малопорядочно». А мне и хватит!

– Ах ты Нерон – не тронь! – потешались товарищи.

Веленбаков не обижался – смеялся вместе со всеми.

– Э, к черту! Как ни отвечал, а уже – мичман! – махнул он рукой. – Кончились навсегда эти противные генеалогия, риторика, геральдика и прочие шляхетские науки! Завтра – белый мундир. Каково-то сшили? Вроде тесноват в плечах оказывался. Зато нижняя амуниция – как следует: чулки шелковые и на ботинках пряжки чистого серебра. А у тебя, Федя, – обратился он к Ушакову, – всё будут те же выростковой кожи сапоги?

– У его отца всего девятнадцать душ, не то что у тебя, – ответил за друга такой же мелкопоместный, небогатый Паша Пустошкин.

– Это верно: у меня одного больше крепостных, чем у вас обоих!

– Значит, завтра производство. Придется явиться и благодарить по начальству?

– Так и быть: поблагодарим уж в последний раз!

– Напудримся, косичку заплетем, – с удовольствием сказал щеголеватый Гаврюша Голенкин.

– Куда-то назначат в плавание? – подумал вслух Федя Калугин.

– Ну, тебе-то что? Ты у нас – первый ученик. Ведь у тебя ни одной отметки «малопорядочно», а все – «исправно», и поведения ты нарочитого, не то что мы, грешные, – сказал Веленбаков.

– А назначат как обычно: до Архангельска и обратно.

– Эх, скорее бы в море! – вырвалось у Ушакова.

– Как до моря дошли, так и Ушаков заговорил!

– И в кого ты, Федюша, у нас такой зейман⁹? – сказал Селевин. – Где у вас там, в Тамбовской, моря? Лес как море, это верно!

– А в селе Измайлове, где царь Петр нашел ботик, – большое море? А князь Игорь откуда ходил на Царьград, забыл? – иронически спросил Ушаков. – Русские люди исстари любили корабль! Вспомните хоть бы и Ваську Буслаева с товарищами:

Походили они на червлен корабль,
Подымали тонкие паруса полотняные,
Побежали по озеру Ильмену...

⁹ Зейман – моряк.

V

В слякотный ноябрьский день 1768 года притащился в Петербург на подводе из Ранбова, как называли моряки Ораниенбаум, мичман Федор Ушаков.

Два с лишним года он проплавал в Балтийском и Белом морях и вот снова ступил на землю. Ушаков получил перевод на Дон.

Русский народ решил отвоевать свои исконные земли на берегах Черного моря, укрепить и обезопасить южные границы государства от набегов турок и крымских татар.

Россия возрождала флот, захиревший после смерти Петра Великого.

Сухопутная армия была на юге готова, а флота у России не доставало.

Стремление России усилить свое положение на юге не нравилось Англии, Франции и другим европейским государствам. В 1768 году они вынудили турок объявить России войну.

Турция обладала на Черном море сильным флотом. Она в течение нескольких веков чувствовала себя здесь господином положения.

Воевать с Турцией на Черноморском побережье без флота было бы русским очень трудно. Оправдывались знаменитые слова Петра Первого: «Всякий Потентат, который едино войско сухопутное имеет, одну руку имеет, а который и флот имеет, обе руки имеет».

Россия имела на юге пока что лишь одну руку. Необходимо было дать ей вторую: построить флот.

И конечно, прежде всего вспомнили о старых петровских верфях в Воронеже и на Дону, тем более что близ Воронежа было много прекрасного корабельного теса.

Постройку Азовской флотилии Екатерина II поручила одному из лучших моряков, сыну известного петровского адмирала Наума Сенявина, Алексею Наумовичу Сенявину.

Из Подмосковья на Дон отправили три тысячи мастеровых. Адмиралтейств-коллегия готовила чертежи судов с большей осадкой. Восстанавливали укрепления Азова и Таганрога. Спешно исправляли верфи в Ново-Павловске и Новохоперске.

Из Кронштадта через Петербург потянулись на юг подводы с офицерами, матросами и корабельными мастерами. В числе откомандированных на Дон оказался и мичман Ушаков.

Когда он наконец дотащился к Адмиралтейств-коллегии, шел шестой час пополудни. В канцеляриях уже никого не было. И Ушаков, взяв свой небольшой чемоданчик, пошел по старой памяти на Васильевский: надо же было найти ночлег.

Сойдя с моста, он встретил на набережной боцмана Лукича.

– А-а, с благополучным прибытием! – шумно приветствовал его боцман. – Откуда?

– С «Трех иерархов». Направляют куда-то на юг.

– Сейчас много туда едет. Наши мичманы тоже...

– Кто? – нетерпеливо перебил Ушаков.

– Пустошкин, Веленбаков...

– Не знаешь, Лукич, где они остановились?

– Как не знаю?! У Большой Проспективной и Двенадцатой линии. Вон новый дом, крашеный под кирпич.

– Спасибо, брат!

Ушаков больше не расспрашивал, а Лукич не задерживал его: боцман отлично помнил, что мичман Ушаков не пьет, стало быть, какой с ним разговор.

Ушаков сразу нашел дом, о котором говорил Лукич. Он был обшит тесом, побелен и раскрашен. Издали и впрямь можно было подумать, что дом – из кирпича.

Федя вошел на крыльцо, постучал.

Открыла старуха.

– Здравствуйте, бабушка. У вас моряки остановились?

– Здеся, здеся, входите, – приветливо ответила старуха, пропуская Федю в сени. – Извольте, батюшка, вот сюда, – открыла она дверь.

Ушаков шагнул в комнату.

Первый, кого он увидел, был Паша Пустошкин. Паша без мундира стоял посреди комнаты, курил и что-то говорил – Пустошкин любил побеседовать. Был он все такой же полный, высокий, румяный. За ним у стола, на котором стоял полуштоф и лежала закуска, сидел пучеглазый Нерон Веленбаков.

– Здравия желаю, господа мичманы! – весело приветствовал Ушаков, ставя чемодан в угол.

– А-а, Федя, дружок, здорово! – пробасил, вставая, бывший немного под хмельком Нерон.

– Здравствуй, Феденька! Вот не ждали! – кинулся к нему чувствительный Паша Пустошкин.

Товарищи обнялись.

– Ты что, из Ранбова? – спросил Пустошкин.

– А откуда же ему и быть-то? Конечно, оттуда, – ответил за товарища Веленбаков.

– На Дон? – продолжал спрашивать Паша.

– На Дон, – ответил Ушаков. – А вы?

– И мы туда же.

– А куда именно?

– В Воронеж.

– В какое-то место меня назначат? – задумался Федя.

– Сейчас, брат, у всех один курс – Воронеж. Завтра в Адмиралтейств-коллегии получишь ордер, а послезавтра поедем вместе. Отправляется очередная партия, – объяснял Пустошкин.

– Вот и хорошо! – обрадовался Ушаков.

– Знаешь, Паша, я схожу еще за полуштофом – согреться господину мичману с дорожки, – предложил Нерон.

– Нет, нет, я не буду пить! – схватил его своими крепкими руками Ушаков и усадил на скамейку.

– Сиди, Нерон. На сегодня довольно! – прикрикнул Пустошкин. – Ведь завтра поутру являться в Адмиралтейств-коллегию, аль забыл? Вот сейчас хозяйка самовар принесет.

– Экое питье – чай!..

– А я чайку выпью с удовольствием, – сказал Федя, садясь за стол.

– Эх вы, моряки! – безнадежно махнул рукой Нерон.

– Ты, Паша, раздобрел, я вижу. А Нерон – все такой же, – разглядывал товарищей Ушаков.

– Ты тоже не похудел! – хлопнул его по плечу Пустошкин. – Ну, где плавал? На чем? Под чьей командой? – забросал он вопросами.

– Разве забыл? Он ведь ушел тогда в Архангельск на пинке¹⁰ «Наргин», – напомнил Веленбаков.

– И на нем вернулся назад. А с нынешнего, шестьдесят восьмого года, на «Трех иерархах».

– На этих «Трах-тарарах», как называют матросы? У капитана первого ранга Грейга?

– Да, у Самуила Карловича.

– Хороший у тебя был начальник, – позавидовал Пустошкин.

– А вы где?

– Я у капитана Наумова, – тотчас же завладел разговором словоохотливый Пустошкин. – Смешной дядя. Думает, что – лихой служака: шляпу и ту, как говорится, носит параллельно

¹⁰ Пинк – небольшое транспортное судно.

горизонту. И знает одно – как выйдет из каюты, обязательно кричит: «Право руля!» Хоть бы и вовсе в этом нужды не было. Считает себя морским волком. Даже на берегу все называет не иначе как по-морски: коляска у него «барказ», линейка – «катер», дрожки – «шлюпка». А на судне любит держать фор-брам-стенгу, она у него так постоянно и торчит. Этаким капитан немногому научит!

– Ну, ты сам, Пашенька, неплохо дело знаешь! А где Нерон был? – обернулся к Веленбакову Федя.

– Я, брат, плавал на фрегате «Диана». Не «Диана», а чистый верблюд. Нос и корма у нее подняты, а середина провалилась. Шканцы и бак выше шкафута на целую ступеньку. А когда на ростры подымут гребные суда, фрегат точь-в-точь верблюд. Капитан «Дианы» Козлов – ничего. Только больно худ, ровно скелет из рисовальной преислеровской анатомии, что мы когда-то в корпусе учили. Но хитер как бес! Явился я к нему, а он сразу: «Которым, сударь мой, выпущены из корпуса?» А как мне признаться, что вышел я пятьдесят осмым, что за мной остался только Сенька Тусов? Отвечаю: «Тридцать седьмым, ваше высокоблагородие! Последний год весь проболел». – «А сколько всего выпущено?» – «Пятьдесят девять», – отвечаю. «Ладно, – говорит, – служи исправно, человеком будешь! Деньги, – спрашивает, – имеешь?» – «Никак нет, ваше высокоблагородие!» И как он узнал, что у меня один целковый в кармане? «Ну, не бойся, дадим вперед!» Сам выбрал мне вестового и показывает ему кулак: «Держи ухо остро да береги спину! Ежели барин попадет у тебя в кутеж или в картеж, я те пятьсот всыплю! Вишь, молод еще, оберегать надо!» Вот догадливый, черт!

– Легко ему быть догадливым, ежели от тебя, поди, за кабельтов¹¹ винищем разило! – улыбнулся Паша.

– А вот и не разило. И никогда не разит: я всегда чесночком закусываю!

В это время хозяйка внесла в комнату самовар. Паша Пустошкин засуетился, стал разливать чай, достал из чемодана колбасу и хлеб.

«Все такой же – любит поговорить и угостить», – подумал о товарище Ушаков.

Как только принялись за чай, Пустошкин снова овладел разговором:

– Федюша, а помнишь, как мы вчетвером – я, ты, Гаврюша, Нерон, – бывало, ходили в баню на пустырь у Шестнадцатой линии? Напаримся-нажаримся – и в снег: кто дольше пролежит, тому бутылка меду с остальных. Нерон, черт, лежал дольше всех. Ты-то в наш спор не встречал, а только помню, что и тебя раз подзадорили. Говоришь: никакого меду мне не надо, а пролежу дольше вас всех! И пролежал. Помнишь, Нерон? – смеялся Паша.

– Как же, помню!

– Ну, нашел что вспоминать! – отмахнулся Ушаков. – А не знаете, где Гаврюша?

– Он на Балтийском. Командует гальотом¹² «Стрельна».

– Батюшка, к вам пришли, – просунула голову в дверь хозяйка.

– Кто там, пусть входит! – сказал, выглядывая из-за самовара, румяный Паша Пустошкин. В комнату вошла девушка лет пятнадцати.

Несмотря на то что она очутилась с глазу на глаз с тремя молодыми моряками, девушка нисколько не смутилась.

Кутаясь в платок, накинутый поверх шубки, она приветливо улыбалась:

– Здравствуйте! Мне сказывали, что кто-то из вас поедет в Воронеж.

– Мы все поедим, – ответил, подымаясь, Пустошкин.

За ним поднялись остальные.

– Я хочу просить, чтобы вы передали моей маменьке письмо. Она живет в Воронеже.

– Охотно передадим, – ответил Пустошкин.

¹¹ Кабельтов – морская мера длины, равен 185,2 метра.

¹² Гальот – плоскодонное транспортное судно.

– Лучше поедemте вместе с нами, – предложил Веленбаков, – веселее будет!

– Я поеду, когда установится санный путь.

– Ну, так мы будем встречать вас в Воронеже, – улыбнулся Паша. – Давайте письмецо!

– Я еще не написала. Я завтра напишу. Может быть, кто-нибудь из вас зайдет за ним?

– Выбирайте любого из троих, – пошутил Нерон.

Девушка обвела всех глазами.

– Я прошу вас. Вы ведь тоже поедете? – обратилась она к Ушакову.

Федя стоял красный от смущения и неожиданности. Он уже давно узнал девушку: это была та, которой он спас снегиря.

Она выросла и повзрослела. Ее курносое личико было миловидно. А когда девушка улыбалась, то открывался ровный ряд белоснежных зубов. И эта улыбка озаряла все ее лицо.

– Поеду, – смущенно выдавил Федя.

– Я вас помню, сразу узнала, – улыбнулась девушка. – Выйдемте, я вам покажу, где сейчас живет моя тетушка. Тот дом – сгорел.

И она пошла из комнаты.

Федя волей-неволей должен был следовать за ней.

На крыльце девушка остановилась:

– Вон видите домик, где растет береза? Там живет моя тетушка. А вас я запомнила. Я даже видела вас несколько раз во сне, – сказала она и, светло улынувшись, сбежала с крыльца.

Ушаков вернулся в комнату еще более смущенный. Он старался не смотреть товарищам в глаза.

– А девушка-то ничего: стройная, легкая, словно гичка! Ай да Федя! – попробовал было пошутить Веленбаков, но Ушаков так покосился на него, что Нерон сразу умолк.

VI

В Адмиралтейств-коллегии Ушакову подтвердили, что он тоже назначен в Азовскую экспедицию, под начальство вице-адмирала Алексея Наумовича Сенявина, и должен отправляться в Воронеж завтра поутру.

Погода стояла отвратительная – моросил дождь, и Ушаков пошел из Адмиралтейств-коллегии прямо на квартиру.

Пустошкина и Веленбакова дома не оказалось.

Сегодня целый день у Феде не выходила из головы эта милая, улыбчивая девушка.

В тамбовском детстве у Феде все друзья-приятели были мальчишки. За шесть лет учения в Петербурге Ушаков не свел знакомства ни с одной девушкой, и в корпусе его за это прозвали схимником. А тут, первый раз в жизни, он говорил с девушкой, которая, оказывается, помнит его и даже видит во сне. От всего этого сладко закружилась голова.

«Пойду-ка я за письмом, пока нет этих пересмешников», – вдруг подумал Федя и поскорее шмыгнул из дому.

На крыльце он оглянулся – не смотрит ли кто, но Двенадцатая линия была пуста.

Только с Десятой, где был кабак, брели через пустыри два подгулявших матроса, и один из них куражился и орал:

Из-за Волги кума
В решете приплыла,
Веретенами гребла,
Юбкой парусила...

Ушаков быстро перешел улицу к домику с березой. Уже постучав в дверь, он вспомнил, что не знает ни имени, ни фамилии девушки.

Открыла высокая пожилая женщина, которую Федя видел в тот раз на пожаре.

«Верно, ее тетушка!»

– Вы за письмом? – спросила она.

– Точно так! – пересохшим от волнения, глухим голосом ответил Ушаков.

Он несколько похрабрел – такое начало было ему на руку: выходит, что Федя пришел по делу, а не вроде кавалера. Он хуже всего боялся, чтобы так не подумали о нем.

– Пожалуйте, пожалуйста! – ввела его тетушка в небольшую, скромно обставленную, но чистую комнату. – Садитесь. Любушка сейчас придет – она пошла в сарай за дровами.

«Ага, значит, ее зовут Любушкой», – заметил Ушаков.

– Непоседа-девчонка, егоза. Собиралась побыть у меня до весны, а вчера вдруг услышала, что моряки отправляются в Воронеж, загорелась: поеду и я домой! Побежала узнавать, кто едет. Другая бы постеснялась говорить с незнакомыми, а этой – нипочем. Она с любым человеком запросто говорит. Я вон старая, а так не могу. Это она в отца пошла такая простая да ласковая. Тот, бывало, с первым встречным говорит, будто десять лет его знает. А письмо-то у Любушки еще не готово, – улыбаясь закончила вполголоса тетушка.

В это время в соседней комнате послышался стук брошенных на пол дров.

– Любушка, пришли за письмом, – сказала тетушка, входя к ней в комнату.

В дверь просунулась голова со вздернутым носиком и быстрыми голубыми глазами.

– А-а, это вы? Я сейчас! – весело и просто сказала она и скрылась.

Федя сидел красный: все-таки он не мог побороть смущения, – как это он будет сидеть один с девушкой, словно жених или кавалер.

Через минуту в комнату впорхнула Любушка:

– Здравствуйте! Как вас величать?

– Федор Федорович Ушаков.

– Здравствуйте, Федор Федорович! Молодец, что пришли! А вот письмо-то у меня еще не готово... И я не знаю, может, и не буду его вовсе писать... – улыбаясь сказала она и взглянула на Ушакова.

У Феде упало сердце: «Передумала, не поедет...»

– Вы что, разве не поедете в Воронеж? – испуганно спросил он.

– А вы хотите, чтобы я поехала?

– Хочу! – вырвалось у Феде.

– Я поеду. Только не знаю когда... – смеялась Любушка.

– Вы же говорили: по санному пути... Скоро должна установиться зимняя дорога.

– У нас, в Воронеже, санный путь – с Николина дня.

– Вот и поезжайте!

– Я и хочу – на Николу.

– А с кем вы поедете?

– В Воронеж часто ездят на верфь. У тетеньки есть знакомый подрядчик. Вы в Воронеже были?

– Нет. Хороший город?

– Хороший. Весь на горах. Обрывы, обрывы! Белые мазанки и ветряки. Красиво! А небо какое у нас – синее, глубокое!

– Ничего хорошего там нет. Дома на горе, а воду таскай из реки. А летом – ветры и ветры. Пыль – свету божьего не видно! – вмешалась тетушка, входя в комнату.

– Да что вы, тетушка Настасья! Разве Питер лучше? Одно болото да вечная слякоть.

– А давно ли сама восхищалась: «Ах, белые ночи! Ах, Петербург!»

– Тогда нравился, а вот теперь уже пригляделась к нему! – тряхнула она русой косой.

Ушаков просидел у Настасьи Никитишны дотемна. За чаем тетушка спросила мичмана о его родителях. Федя ответил, что старик отец еще жив, а мать умерла давно, когда ему было восемь лет.

– Значит, росли сиротой, – пожалела Настасья Никитишна. – А откуда же вы родом?

– Из Тамбовской.

– Так вы наш сосед! – обрадовалась Любушка. – От Воронежа до Тамбова рукой подать!

– Я не из самого Тамбова, а из Темниковского уезда. Там у нас деревенька. Алексеевка.

– А почему поступили в морской корпус, а не в сухопутный? – любопытствовала тетушка.

– Сухопутный не по карману: у отца всего-навсего девятнадцать душ, – просто ответил Ушаков.

Он никогда не стыдился того, что его отец небогат.

– Морским офицером лучше быть, чем сухопутным. Что берег? Грязь, пыль. А в море волны, ветер, простор! – убежденно сказала Любушка.

Федя даже покраснел от удовольствия.

– Да, я тоже очень люблю море! – признался он.

Тут же, за чайным столом, Любушка в конце концов написала матери письмо и стала объяснять Феде, как найти в Воронеже дом, где они живут.

– Вот город, на горе. Так – Нищенская слободка, так – Стрелецкий лог, так – Гусиная слободка, – чертила она пальцем по скатерти. – А так – наша Чижевка, ближняя и дальняя. Когда-то в ней водилось много чижей. Вот церковь Троицы, слева большой дом – в нем живут попы, дьякон Калистрат, пономарь. А справа – маленький, это и есть наш. Понятно?

– Понятно, – отвечал Федя, а думал только об одном: поскорее бы эта белозубая девушка приезжала в Воронеж!

– А вот тут, – не переставала Любушка чертить пальцем, – Чижовская роща. Дубы, дубы и дубы. И клены. Красиво! Сюда мы с вами пойдем весной гулять. Хорошо?

– Хорошо, – ответил Федя, а сам подумал: «Одно плохо – пора уходить, а так не хочется!..»

Он поднялся и стал прощаться.

– Ежели когда-либо приедете в Петербург и негде будет остановиться, милости просим ко мне! – гостеприимно предложила тетушка.

– Спасибо! – поблагодарил Федя уходя.

Любушка провожала его.

– Скажите, Любушка, а вы... в самом деле приедете? – спросил он, уже стоя на крыльце.

– При-и-еду! – улыбаясь, протянула она, и Феде почудилось в этом слове: «ми-и-лый...».

Он спрыгнул с крыльца и, не разбирая в темноте луж, зашагал через улицу к себе.

VII

Незаметно промелькнула неделя, как Ушаков приехал в Воронеж, а письмо Любушки все еще продолжало лежать в Федином чемодане.

Он был исполнителен и верен в своем слове, но не хватало времени. В адмиралтействе всем нашлось много дела. Пустошкин работал на постройке мастерских, а Ушакова определили в чертежную.

Когда-то, при Петре I, весь Воронеж был заполнен моряками. Целые улицы занимали корабельные мастера: шлюпочные, парусные, блочные, канатные, купорные. Жили плотники, кузнецы, литейщики. В Воронеже лили пушки, мортиры, ядра, варили смолу, гнали деготь, вили канаты и веревки.

После смерти Петра I все пришло в упадок. Мастерские обветшали или стояли заколоченные. Мастера перемерли или разъехались по другим местам. И многое приходилось начинать сызнова. Оттого теперь у всех – матросов и офицеров – было достаточно работы.

Федя приходил вечером на квартиру усталый. Он видел чемодан, в котором лежало письмо, терзался мыслью, что поручение Любушки до сих пор им не выполнено.

Ушаков каждый день невольно наблюдал за погодой: снежок понемногу укрывал землю.

Иногда, сидя у себя в чертежной и обсуждая с товарищами качество кораблей разной постройки, он говорил что-либо вроде:

– Архангельские хуже петербургских: в бейдевинд¹³ имеют большой дрейф.

А сам в это время смотрел в окно на падающий снег и думал с тревогой: «Может, уже приехала?»

И невольно краснел.

Во-первых, от мысли, что он не сдержал слова, а во-вторых, оттого, что было приятно представить: Любушка уже в Воронеже!

Паша Пустошкин, который жил с ним (Нерона Веленбакова услали в Таганрог), пытался было навести разговор на интересующую тему, но прямо о девушке говорить не смел. Живя не первый год с Ушаковым, он знал, что Федя рассердится и сразу оборвет разговор. Он такой: нашел – молчит, потерял – молчит. И потому Пустошкин старался говорить обиняком:

– А уже санная дорога установилась. Вчера из Москвы констапель¹⁴ приехал...

Но Федя упорно молчал, хотя прекрасно понимал, к чему клонит Паша, и хотя этот разговор был ему приятен.

Паша втихомолку наблюдал за другом.

Подошла суббота.

Вечером в чертежной, как и в других командах, был прочтен приказ:

«Завтрашнего числа для праздника воскресенья адмиралтейским служителям шабаш, чтоб богу молились, гуляли тихо и смирно, шумства, драк и прочих непотребств не чинить».

Федя слушал и думал: «Завтра отнесу письмо».

Он утром попросил у соседа, корабельного мастера, бритву и побрился, хотя льняной пушок на щеках был мало заметен.

Потом не мог дожждаться обеда. От скуки листал «Регламент о управлении адмиралтейства и верфи».

Паша, любивший пошутить, не выдержал и сказал:

– Не смотри: все равно по параграфу семьдесят седьмому гардемарину жениться запрещается. Не то – дадут три года каторжной работы!

¹³ Бейдевинд – курс корабля, самый близкий к линии ветра.

¹⁴ Констапель – артиллерийский прапорщик.

Федя вспыхнул до корней волос и только глянул на него, как рублем подарил! Паше и этого хватило – сразу умолк. Так молча и обедали.

После обеда Федя оделся получше, достал из чемодана письмецо и, стараясь не смотреть Паше в глаза, шмыгнул за дверь.

Адрес он помнил наизусть: «Марии Никитишне Ермаковой у Троицкой церкви, что на Чижевке». За эти дни он узнал, что Чижевка – слободка на горе, предместье Воронежа, которое от города отделяет крутой яр.

«Хорошо, что дом – у церкви. Значит, легко найти, не придется ни у кого спрашивать».

Войдя в слободку, Федя вспомнил: здесь когда-то водилось много чижей. «Не оттого ли и она держала в клетке снегиря? Любит птиц, значит, доброе сердце!...»

Он захотел представить себе ее лицо и не мог: оно как-то уплывало. И лишь не потухала, жила в его памяти широкая, светлая Любушкина улыбка.

Вот и церковь Троицы. Вон один дом деревянный – побольше, другой – маленький, весь белый, крытый очеретом.

Ох как бьется сердце!

Ушаков еще издали разогнался – для храбрости! – и бодро подошел к домику.

Он постучал и ждал, насупившись.

Дверь отворила высокая седая женщина. Хотя глаза у нее были карие, а нос прямой, но ее лицо чем-то напоминало Любушкино.

«Мать!»

– Входите, входите! – приветливо сказала она, отступая в глубь сеней.

Ушаков вошел.

– Честь имею видеть Марью Никитишну Ермакову? – официально спросил Федя.

– Да, это я, – сказала женщина.

– Вам письмо из Петербурга. От дочери.

Он протянул конверт.

– От Любушки? Когда же она приедет?

– Сказывала: по первопутку.

– Пожалуйста сюда, господин мичман. Милости прошу. – Марья Никитишна распахнула дверь в комнату. – Раздевайтесь, у нас тепло, – предложила она.

Поначалу Ушаков думал отдать письмо и сразу же уйти, но сейчас что-то удерживало его здесь. Он снял шинель и шляпу.

– Садитесь! – предложила хозяйка, усаживаясь у стола.

Федя сел.

– Мы ведь тоже из морской семьи. Мою мать в тысяча семьсот первом году по велению царя Петра отправили сюда. Каждый десятый двор должен был поставить одну девицу для вступления в брак с солдатами, а остальные дворы – снабдить ее всем необходимым. И кроме того, дать двадцать рублей приданого. Вот она и вышла замуж за моряка. И мой покойный муж тоже был моряк, – словоохотливо рассказывала Марья Никитишна.

Она оказалась более разговорчивой, чем ее сестра, Настасья Никитишна, и держалась так, что Феде казалось, будто он давным-давно знает ее.

– А вы когда же познакомились с Любушкой?

Федя зарделся. Говорить о том, как он спас снегиря, не хотелось.

– Верно, где-либо в церкви, – улыбнулась Марья Никитишна, – или на гулянье. Вот у нас, в роще, с мая месяца по воскресеньям гулянье... Что, Любушка здорова?

– Ничего, здорова. Я ее всего два раза видел... Я с Балтийского... Меня отправили сюда. Ехал, остановился на Васильевском острове...

– Да, там живет моя старшая сестра, Настасья. Домик-то у нее в третьем годе сгорел...

Ушакову хотелось сказать: знаю, сам видел, но – смолчал.

– Вас как же звать?

– Федор Ушаков.

– Я уж Феденькой стану звать, по-стариковски. Вот я вас пирогом с капустой угощу, – поднялась Марья Никитишна.

Ушаков не отказывался: он чувствовал себя здесь просто и хорошо. И главное, можно свободно говорить о Любушке – это же не с насмешником Пашкой Пустошкиным: не засмеет!

Марья Никитишна поставила пироги, флягу с водкой, угощала.

От водки Ушаков отказался – он не любил пить.

– Одну-единственную. В вашем морском деле – надо. Пьяницей быть – сохрани господи, а придешь с вахты мокрехонький, водкой только и отогреешься и спасешься! – уговаривала хозяйка. – Первая рюмка и называется «прошенная», а вторая уже – «непрошенная»!

Пришлось выпить «прошеную» и закусить пирогом – пироги были отменные.

Марья Никитишна расспросила его обо всем: откуда родом, сколько имеет душ крепостных, где и на чем плавал. В морском деле она разбиралась словно заправский моряк.

В беседе Ушаков не заметил, как заблаговестили к вечерне. Он хотел уже прощаться, когда в комнату вошел высокий красивый человек. Федя сразу признал: это был грек. Грек учтиво поздоровался, пожелал «приятно кушать» и прошел в соседнюю комнату, о которой Федя почему-то думал, что она Любушкина...

– Это мой постоялец, – зашептала через стол Марья Никитишна. – Павел Зосимович Метакса. Грек. Он поставщик в адмиралтействе. Гарпиус поставляет. Хороший, богатый человек...

У Феде почему-то сразу испортилось настроение. Румянец покрыл его щеки. Он сидел, сдвинув свои густые брови. И все его лицо – с тяжелым, выступающим подбородком – стало старше и суровее.

Корпусные товарищи увидели бы: Федюша чем-то сильно недоволен. Такого лучше не трогать!

Он поднялся, поблагодарил за угощение и стал одеваться.

– Еще раз спасибо, родной! Спасибо, сынок! – говорила на прощанье Марья Никитишна. – Приходи же, Феденька. Вот Любушка приедет, – пела она. – Пишет: к Николину дню постарается...

Ушаков шел, невольно высчитывая в уме, сколько дней осталось до зимнего Никола.

Грек очень не нравился Феде, хотя ничего худого о нем Ушаков сказать не мог.

VIII

Ушакова все больше и больше захватывала новая для него работа в адмиралтействе.

Приятно было сознавать, что принимаешь непосредственное участие в постройке Азовского флота, что по твоему чертежу будут строить отдельные члены судна. Не то что Паша Пустошкин, который занят такой малоинтересной, обычной, чуть ли не деревенской работой: стройкой кузниц, шляпочных мастерских да разных сараев. Но Паша Пустошкин рьяно отставлял свое дело.

– Посмотрел бы я, как ты на своем праме¹⁵ обошелся бы без моего якоря или без шлюпки! – возражал он Феде.

Занятый работой, Ушаков не заметил, как подошел долгожданный Николин день.

Федя не знал, что делать: хотелось провести, приехала ли Любушка, но идти к Ермаковой без дела было как-то стыдно.

Он ломал голову – что бы придумать! И наконец нашел простой выход: пойти к обедне в их слободскую церковь, – если Любушка в Воронеже, она обязательно должна прийти к Троице.

Федя приоделся и зашагал в Чижовку.

Войдя в церковь, он сразу же увидел на левой стороне среди женщин высокую Марью Никитишну. Рядом с ней стояла Любушка.

Ушаков прошел немного вперед и стал на виду. Ему так хотелось посмотреть назад, но это было неприлично.

Он терпеливо простоял до конца службы и, только когда все двинулись ко кресту, обернулся.

Ушаков пристально рассматривал толпу, теснившуюся к священнику с крестом, но Ермаковых не было. Раздосадованный, Федя пошел к выходу.

Выйдя на паперть, он стоял, растерянно смотря по сторонам.

Вдруг кто-то легонько взял его за локоть. Он зло повернул голову, думая, что это какой-нибудь назойливый нищий, и оторопел: перед ним улыбаясь стояла Любушка.

– Здравствуйте, Феденька! Кого это вы ищите? Не меня ли?

Он хотел было отпереться, что, мол, не искал ее, но это не вышло.

– Здравия желаю! – с живостью ответил он.

¹⁵ Прам – плоскодонное судно, вооруженное пушками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.